

С ЮРСКИМ МЫ УЖЕ ОТГУЛЯЛИ И СЕРЕБРЯНУЮ СВАДЬБУ, И ЖЕМЧУЖНУЮ

У народной артистки России **НАТАЛЬИ ТЕНЯКОВОЙ** 3 июля день рождения. Обозреватель «Известий» **ГЕОРГИЙ МЕЛИКЯНЦ** пытался отыскать хоть одно интервью с ней. Не нашел. Она и сама не помнит, было ли. Получается, что предлагаемое интервью чуть ли не первое в ее жизни. Во всяком случае, за много-много лет. К переговорам пришлось подключить ее супруга **Сергея Юрского**. Он ее и уговорил.

«ЮРСКОМУ ШЛИ ДИССИДЕНТСТВО»

— Начнем с анкетных данных. Где родились, где крестились? Где учились?
— Родилась в Ленинграде, там же училась, там же еще школьницей мечтала о театре. Там же с первого захода поступила в театральный институт. На курс к замечательному педагогу, профессору Борису Вольфовичу Зону. В институте переиграла множество ролей, таких разных, что и сейчас удивляюсь.

— После десяти лет, что вы были «актрисой Товстонагова», вы переезжаете в Москву. Вдруг. Ленинград, хоть и числился в 70-х областными городом, все-таки театальной периферией не был.

— Так ведь мы переехали не по собственной воле, Юрский стал неутонченным ленинградским партийным властям, хоть человек он совершенно беспартийный. Его запретили на телевидении, «не рекомендовали» снимать в кино...

— И главный режиссер БДТ Товстонагов ничего не мог поделать?

— Не смог. Юрский ушел из театра колесить по стране с концертной программой. Я же оставалась в БДТ: вдруг ситуация переменится? Но в конце концов мы поняли: в Ленинграде нам не жить, у Юрского запрет на профессию.

— А за что к нему так?

— Это осталось тайной. Передавали шепотом, что он дружит с Солженицыным, что провожал Эткинда в эмиграцию и при этом произнес речь... Короче, шили ему диссидентство, хотя дружба с Солженицыным он не скрывал, а Эткинда не провожал — не был в Ленинграде. И мы стали искать, где оскорбленному есть чувству уголок. Нас хотел взять Ефремов. Было известно, что худсовет МХАТа имени Чехова проголосовал «за», но Ефремова вызвали в Министерство культуры и популярно объяснили: во МХАТе Юрский служить не может. У Ефремова случился стресс. Зато Театр имени Моссовета не принадлежал Министерству культуры. И Юрского пригласили туда поставить спектакль для Плятты — «Тему с вариациями». А через год в Москву выбрались я и наша маленькая тогда Даша.

— Каково было вам переезжать: ведущее положение в БДТ...

— Нельзя, однако, долго жить на два дома. Я решила на это больше из солидарности и протеста. Даже сменила фамилию, стала по паспорту Юрская. Моя девичья фамилия Тенякова сделалась отныне моей спичеческой фамилией. А еще я боялась Москвы, шумной, беспорядочной после степенного Питера, где я выросла в центре, на тихой улице Пушкинской, впадающей в Невский проспект, возле старого памятника Пушкину. Но оказалось все не так страшно, нас приветливо встретили, выяснилось, что у нас в Москве много друзей. Вот только обменять квартиру не удалось: никто не уезжал из Москвы в Ленинград. Театр Моссовета нам и тут помог: дали квартиру на Большой Дорогомиловской. Сейчас мы по обмену живем в Гагаринском переулке, среди арбатских двориков, все замечательно.

«ЕФРЕМОВ МЕНЯ УГОВОРИЛ-ТАКИ»

— В Театре Моссовета я впервые увидел вас в спектакле режиссера Генриетты Яновской «Вдовый пароход». Там в коммуналке военного времени живут пять женщин. Пять вдов. Все обострено до предела, но именно ваша «злындя» Пания, в своем горе отгородившаяся от всех и от всего, дает вдруг такой урок человечности! Из всего, что я видел о войне, Пания кажется мне наиболее достоверной.

— Рассказывали: когда объявили про победу, я впервые захлопала в ладоши, а мне не стукнуло даже годика... «Вдовый пароход» был спектаклем для нас особым. Вся игравшая в нем команда долго после него не расходилась, нам было необходимо задержаться, поговорить, что-то снова обсудить...

— Войны в этом спектакле нет, она за кадром, но, вспоминая его, я всегда думаю: вы же сами не видели войны.

— Актрису не обязательно что-то видеть самому — достаточно это вообразить. Я выросла в коммуналке, а в коммуналке время, наверное, навсегда военное...

— Кстати, все же кто были ваши родители?

— Служащие. Папа — инженер, мама — техник. Ничего общего с театром.

— Они вас не отговаривали идти в артистки?

— Мы с мамой целый год скрывали от папы, что я в театральном. Когда он узнал, что я поступила не в педагогический вуз, куда он меня прочил, он не на шутку обиделся и даже перестал разговаривать со мной. И только познакомившись с Зоной и услышав от него, что из меня, наверное, выйдет толк, смирился.

— Однако вернемся к «Моссовету». Там была, в частности, «Гедда Габлер». Незнакомое: женщина в проеме окна, отрешенный взгляд. Одна во всем мире. «Что ты там делаешь, Гедда?» — «Стою». И вся ее драма, все отношения с окружающими яснее ясного. Одно слово, произнесенное без эмоций, нехотя, как «отстаньте». Слово-ключ к разгадке женщины и ее судьбы. А еще в «Моссовете» была «Печка на колесах»...

— Замечательный спектакль Бори Щедрина по пьесе Ниночки Семеновой. Такой русский абсурд. На него много ходили, мы его долго играли. У главной героини телятницы Фроси из-за ее шестерых дочерей был по-

стоянный конфликт с мужем. Очень смешная вещь. И трогательная.

— Раневская и Фрося. Женщин, столь далеких друг от друга, кажется, и быть не может.

— Актрису должен играть все, сейчас понятия амплуа в общем-то не существует. Я ведь актриса характерная, меня такой в институте и воспитывали.

— Итак, все удачно складывалось в «Моссовете»? И вдруг — МХАТ имени Чехова. Что произошло? Почему?

— А Ефремов. Уговорил-таки. Юрский у него уже играл раньше, хотя формально числился в «Моссовете». А меня Ефремов позвал на конкретную роль.

— Какую?

— На Раневскую.

— От таких ролей не отказываются.

напоминаю, что на основной сцене МХАТа имени Чехова нам довелось эту проблему разыграть перед тысячами зрителей. Речь о пьесе Бергмана «После репетиции» в постановке Вячеслава Долгачева. Юрский там режиссер, я — его любимая актриса и жена, а наша дочь Дарья играла тоже его актрису и мою дочь. Сложная семейная и театральная драма. И, думаю, мы были, простите за превосходную степень, идеальными исполнителями этих ролей, потому что про это мы знаем все. Что же касается моей игры в постановках Юрского, то нам легко работается вместе потому, наверное, что мы быстрее понимаем друг друга.

— Вы вообще верите в везение?

— Верю, но надеюсь только на себя.

— Тогда согласимся, что вам везло на режиссеров: Товстонагов был великим, во многом равновеликим ему был Ефремов. Кто еще кажется вам наиболее «теняковским» режиссером?

— Уже сказала: Юрский.

— Где вы познакомились и как? Он ведь старше вас?

— Всего на девять лет. Познакомились благодаря одному из моих учителей, Давиду Исааковичу Карасику. Он позвал меня играть на телевидении в «Большой кошачьей сказке» по Чапеку. У Юрского была там главная роль, а я играла его невесту. Он уже имел

манеры лишь помогают ему урвать как можно больше. Интеллигент — тот, кто стремится отдать. А еще интеллигенту свойственно видеть жизнь чуть светлей. Немного лучше, чем она есть. Пессимист не интеллигент.

«НА ТАКИЕ ВОПРОСЫ НЕ ОТВЕЧАЮТ»
— Не хочется расставаться, но пора и честь знать. Побалуйте, пожалуйста, рассказом о незабываемом происшествии...

— Самое трудное — без подготовки, вот так сразу вспомнить... Ну ладно. В Театре Моссовета шла пьеса «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Играла в нем моя лучшая подруга, замечательная, царство ей небесное, актриса Эльвира Бруновская. Одна играла. Как у нас говорят, без состава, то есть без замены. И вот она заболела. Другую актрису вводить некому: постановщик Юрский отбыл в Японию. Обычно мы играем даже больные. Но этот случай крайний, она не могла встать вообще. А до спектакля всего сутки. В театре спрашивают меня: что делать? Я понимаю: Эльвира не поднимется, хотя роль эта ей безумно дорога, она играет ее блестяще. Если введут другую актрису, появится состав, и любимую роль она наполовину теряет, играть ее отныне придется в очередь. Значит, заменить подругу надо мне.

— И вы знаете текст...

— Я не знаю текста. Я знаю только: надо играть. И я бегу к ней домой: «Давай текст». Беру и падаю: это вот та-а-кушая тетрадка. Я не выучу столько никогда. Но мобилирую Дашу, она подчитывает мне за всех персонажей. Работаем всю ночь. Сережа звонит из Японии: «Как дела?» — «Эльвира заболела». — «И какой выход?» — «Играть буду я». — «С ума сошла». И все-таки я выхожу. Даша крадется за кулисами, за декорациями с этой тетрадкой. Где в полный рост, где по-пластунски, готовая в любую минуту подсказать текст. Слава богу, все обошлось. Но я этого не помню. Полный наркоз.

— Вы с Сергеем Юрьевичем состоялись. А Дарья Юрская?

— Она состоит тоже.

— Ну и отлично. В заключение быстрые шахматы. Кто ваш лучший партнер?

— На такие вопросы не отвечаю.

— Политик, на которого полагаетесь более всего?

— Секрет.

— Тогда кто из коллег джентльмен номер один?

— Все.

— Кого предпочитаете из троицы Окуджава — Высоцкий — Визбор?

— Окуджаву.

— Кто Пушкин сегодня?

— Пушкин.

Один из любимых портретов Натальи Теняковой

Наталья Тенякова и Сергей Юрский в ролях Александры и Фарьяева в знаменитом спектакле «Фантазии Фарьяева». Конец 70-х

Что играла Наталья Тенякова

Полли в брехтовской «Трехгрошовой опере». Грушенька в «Братьях Карамазовых». Ибсеновская Гедда Габлер, такая красивая, такая одинокая. Юлия из горьковских «Дачников». Жены гениев — Софья Андреевна Толстая и Любовь Дмитриевна Блок. Паня Зудина из затонувшего в послевоенном быте «Вдовья парохода». Очень похожая на нас се-

годняшних Анча из чешской пьесы «Нули», написанной тоже как бы про нас. И насколько не похожие на всех этих женщин деревенские мадонны Фрося («Печка на колесах») и Вера («Два мешка сорной пшеницы»). И Раневская, уходящая из вишневого сада, как уходит из жизни. Нет, так уходит вообще из эпохи...

— Но поставил условие: переход в труппу де-юре.

— И теперь вы актриса МХАТа. Ваша трудовая книжка во МХАТе?

— Во МХАТе, хотя я еще долго продолжала играть в «Моссовете».

— А трудовая книжка Сергея Юрьевича?

— В «Моссовете».

— То есть никакой семейственности на производстве? А трудовая книжка вашей дочери Дарьи?

— Во МХАТе.

— Так во скольких театрах играют Юрские?

— Лично я в трех. Прежде всего во МХАТе, но и в «Школе современной пьесы», а теперь и в Театре Вахтангова, в их новом спектакле «Фредерик, или Бульвар преступлений».

— Антреприза? И как вы к ней относитесь?

— Я всегда была актрисой только репертуарного театра. Антрепризу я наблюдаю со стороны. Бывает, что мне это нравится. Но в антрепризе первоначальный импульс — желание гарантированного успеха, а не выявление накопившихся мыслей и чувств. Возрождение антрепризы в 90-х годах заметно оживило современный театр. Но было бы ужасно, если бы потускнели традиции русского репертуарного театра — они-то и создали ему мировую славу.

— А почему вы редко появляетесь в кино?

— В молодости я сыграла подряд три главные роли — в кинофильмах «Старшая сестра», «Зеленая карета» и «Наши знакомые». Картины были успешные, но сниматься после них я перестала. И дело не в том, что не увлекали сценарии. Есть актеры, замечательные и в театре, и в кино, и на эстраде. Мне же сам процесс съемок, атмосфера кинематографии, ритм работы показались чужими.

— Но через много лет вы все-таки снялись в фильме «Любовь и голуби»?

— Исключение из правил. Мне понравились сценарий Гуркина, режиссер Меньшов и вся компания. И то, что принцип игры был театральным.

«ОН УЖЕ НЕ БЫЛ ЖЕНАТ, И Я УЖЕ НЕ БЫЛА ЗАМУЖЕМ. И ТОГДА РАЗВЕРНУЛСЯ НАШ РОМАН»

— Вы играете в поставленных Юрским «Стулях» и «Провокации». Играл и в других его постановках. Не мешает, что вы его жена, а он ваш муж?

— В театре такая ситуация не редкая. Проблема действительно существует. Но тут я вам

громкое имя, а я была еще студенткой. И я была замужем, а он женат. Встретились мы снова через годы уже в труппе БДТ. Он уже не был женат, и я уже не была замужем. И тогда развернулся наш роман. Сейчас мы отгуляли и серебряную свадьбу, и жемчужную. Так что познакомились на съемочной площадке, как подобает профессионалам.

— Вы утверждаете, что понимаете друг друга. А не допускаете ли вы в профессии «порадеть родному человечку»?

— Это с Юрским невозможно. Мы же из товстонаговского театра. Для Георгия Александровича театральное дело было всегда выше личных отношений. И потому мне еще с Гинкасом очень легко, с Яновской, с польским режиссером Эрвином Аксеном — они тоже от Товстонагова, мы вроде одной крови.

— А раз так, не появляется желания вернуться, например, в БДТ?

— Нет. Без Георгия Александровича...

— А в Театр Моссовета не тянет?

— Ну, совместная работа не исключена. Однако всегда помню строки Шпаликова: «По несчастью или к счастью, / истина проста: / никогда не возвращайся / в прежние места». Объяснить их не берусь, но считаю мудрыми.

«ПЕССИМИСТ — НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ»

— Как вы воспринимаете современность в искусстве? В театре? Когда-то под современностью понималось изображение событий нынешнего дня, людей, живущих рядом.

— Однако выяснилось, что такой взгляд слишком прямолинеен. Что современность в искусстве — это не копия примелькавшейся картины, а уровень проблем. Это характеры, образ жизни. Любую пьесу можно поставить современно, если современна позиция. И не в последнюю очередь — если сохранен современный родной язык, не засорен словесной липой, этой липой, которую подсовывают, как в ларьке просроченные продукты. Можно ли сыграть пьесу, написанную сленгом? Допускаю сленг, когда он применяется как характеристика персонажа. Но драматург, писатель, артист обязаны знать и показывать принципиальное отличие сленга от чистого источника родной речи. Русский язык — это часть нашей жизни.

— А что, по-вашему, есть интеллигентность? Большие знания? Качество воспитания? Количество навыков?

— Все. И еще: как этот человек живет. Если только берет — он хищник. Образованность,